
МАГИЯ СЛОВА

УДК 7.01

DOI 10.31249/hoc/2020.01.09

Гершензон М.О.[©]

ВДОХНОВЕНИЕ И БЕЗУМИЕ

Да, тяжела ты, шапка Мономаха!
Пушкин

Аннотация. В статье русского мыслителя, культурфилософа, историка духовной жизни России М.О. Гершензона (1(13) июля 1869–19 февраля 1925) проникающего в тайны пушкинского творчества, раскрывается психология творческого процесса.

Ключевые слова: бремя разума; мечта о самозабвении; священное (блаженное) безумие; наслаждение искусством; поэтическое вдохновение как истинное счастье; созерцание истинно-сущего; творчество.

Gershenzon M.O.
Inspiration and madness

Abstract. The article by M.O. Gershenzon (July 1(13), 1869 – February 19, 1925), – Russian thinker, cultural philosopher, historian of the spiritual life, – discovers the psychology of the creative process through penetrating into the secrets of Pushkin’s creativity.

Keywords: burden of reason; dream of selfforgetfulness; sacred (blissful) madness; enjoyment of art; poetic inspiration as true happiness; contemplation of true-being; creativity.

Человек – царь природы и царствует он в силу своего разума. Но как дорого он платит за эту власть! Как тягостно бремя разума! Какое счастье скинуть тяжелую шапку Мономаха и стать хоть на одно летучее мгновение простым обывателем, обывателем вселенной, наравне с ветром и облаком, растением и зверем! А если бы можно было снять ее совсем! Бог с нею, с ее правами и со всем ее могуществом! За властью не успеваешь жить, а так хочется пожить, побыть вольным и праздным. Бессонный разум нудит и гонит ставить цели, достижение одной цели рождает другую, и человек кругом опутан неисчислимыми целеположениями своего принудительного разума; безмерное напряжение сил, ни дня покоя и свободной радости! И к тому еще побочные тяготы власти – сознание прошлого и сознание будущего, т.е. тоска и раскаяние о прошлом и страх, этот проклятый страх, неразлучный спутник всякого владычества, кара за его незаконность, – потому что космически всякая власть незаконна, и всякая тайно знает это, что и есть страх царей пред крамолой и страх разума пред судьбою.

Вся русская поэзия есть мечта о самозабвении: сложить царский венец разума и зажить беззаботно, стихийно, а если вовсе нельзя, то хоть на миг. Не только Тютчев, чье творчество – поистине «Соломоновы притчи» и «Песнь песней» царствующего разума, – нет, таков даже Пушкин, гармонический Пушкин. У него есть стихотворение, бросающее свет на эту складку его сознания, – пьеса «Не дай мне Бог сойти с ума». Он говорит: мне разум нужен – но не для меня: он нужен обществу во мне; поэтому, утратив разум, я становлюсь неудобен, даже опасен обществу, и оно запрет меня в клетку. Но если бы не эта внешняя угроза, как хорошо было бы избавиться от разума! Для меня лично он только помеха; как счастлив я был бы без него! И тут Пушкин рисует картину блаженного безумия.

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.
И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса^{1*}.

Этого полного и длительного счастья нам не дано вкушать; откуда же человек знает о нем? Как узнал Пушкин определенные признаки этого блаженного состояния: стремление бежать от людей, раскрытие в чувстве своего единства с природной стихией, освобожденный слух, ясно внемлющий внутренние голоса духа, экстаз радости, наконец, чувство своей абсолютной свободы и оттого – чувство своей безграничной мощи? Откуда он узнал это с такой достоверностью?

У него был соответственный опыт – частично, но открывающий природу целого. Человеку даны *отдельные* минуты *неполного* безумия. Есть места и минуты, когда от избытка атмосферных осадков, просачивающихся внутрь, набухнут, переполнятся русла подземных вод, и вдруг эти воды вырываются на поверхность земли и заливают окрестность. Нечто подобное бывает с человеческой душой, – не со всякой, конечно, и только мгновениями. Пушкин был таков, и он знал эти экстазы. У него они вызывались преимущественно *вдохновением*.

Он изображал свое творческое вдохновение теми самыми чертами, которые мы только что различили в начертанной им идеальной картине полного безумия: прежде всего, бегство от людей к природе – и опять то же:

в лес и к морю
Бежит он, дикий и суровый

(эти два признака, два чувства обращены к людям, от которых он бежит),

И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы^{2*}.

Это – первый момент, бегство: «Как бы резво я пустился в темный лес!» А вот самое состояние экстаза, тот «пламенный бред», те «чудные грезы» (слова одни и те же в обоих случаях), счастье, слияние с природой, свобода:

...тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались...

В гармонии соперник мой

Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шопот речки тихоструйной^{3*}.

Эти-то черты, узванные в опыте мгновенных и неполных безумий – вдохновения, – Пушкин обобщил в картине совершенного блаженства. Для него самого минуты вдохновения были, по-видимому, минутами высшего счастья, какое он знал в жизни. Слабее, но все еще очень сильны, были для него другие две категории самозабвения: упоение чужим творчеством и любовь. В этом самом порядке он располагает три очарования, которыми еще манит его жизнь:

Порой опять гармонией упьюсь (*– собственное вдохновение*)
Над вымыслом слезами обольюсь (*– наслаждение искусством*)
И, может быть, на мой закат печальной
Блеснет любовь улыбкою прощальной^{4*} (*– любовь*)

Сальери в точности повторяет первые две категории:

Как жажда смерти мучила меня,
Что умирать? я мнил: быть может, жизнь
Мне принесет незапные дары;
1) Быть может, посетит меня восторг
И творческая ночь и вдохновенье;
2) Быть может, новый Гайден сотворит
Великое – и наслажуся им...^{5*}

Что из этих трех категорий сильнейшею было для Пушкина вдохновение, это видно хотя бы из его слов о Чарском, в «Египетских нотах»: «Он признавался искренним своим друзьям, что только тогда», – именно когда находило на него вдохновение, – «и знал истинное счастье». Чарский более всех персонажей пушкинского творчества – его автопортрет.

Как бы то ни было, во всех трех Пушкин ценил одно: временную атрофию разума, ибо только в этом одном блаженство любви («Вся жизнь – одна ли, две ли ночи?») сходно с теми двумя.

Показание Пушкина, основанное на личном опыте, драгоценно для нас и в высшей степени поучительно. Оно имеет всю ценность

научной гипотезы, выведенной из добросовестных наблюдений и экспериментов. Но как всякий итог одностороннего, т.е. единоличного опыта, оно может притязать только на принципиальное значение. *Конкретное содержание* такого свидетельства нельзя принимать на веру; это было бы тяжелой ошибкой. Нам важно запомнить общее утверждение Пушкина, что высшую свободу и высшее счастье, как он узнал в своем личном опыте, человек обретает только с утратой своего нынешнего разума. Но опыт его в этом деле был односторонний: он знал преимущественно то состояние безумия, которое дается *вдохновением поэтическим*, и в общий закон он возвел черты только этого, знакомого ему состояния. Поэтому удивительная картина, которую он дал в пьесе «Не дай мне Бог сойти с ума», не может быть признана общеобязательной в своих деталях. Его путь – только один из путей; есть много других путей, есть другие категории безумия, – есть, может быть, даже иерархия этих категорий, и только на высшей ступени открывается человеку все царство блаженного безумия. Пушкин, несомненно, бывал в этом царстве, и не раз, но видел только малую часть его.

Я думаю, Платон был прав, когда в «Федре» отводил поэтическому вдохновению высокое, но не высшее место. Исступление по Платону есть то состояние человеческой души, когда в ней внезапно вспыхивает воспоминание о мире истинно-сущего, который она некогда созерцала воочию: тогда, опьяненная этим божественным видением, она впадает в восторг, в экстаз. Но это воспоминание может быть, во-первых, более и менее отчетливым, членораздельным, во-вторых, более-менее устойчивым и длительным. По этим двум признакам Платон различает четыре вида священного безумия: 1) исступление пророческое (религиозное), 2) очистительное (нравственное), 3) поэтическое и 4) эротическое или собственно-философское. О вдохновении поэтов он говорит: «Третий вид одержимости и исступления бывает от муз: овладевая нежною и девственною душою, возбуждая и восторгая ее к одам и другим стихотворениям и украшая в них бесчисленные события старины, это исступление дает уроки потомству». Это – безумие Пушкина; но оно – не высшее. Мы сказали бы теперь: «камлание» шамана или сектантское радение – суть низшая форма исступления; выше его – экстаз моральный, еще выше – поэтическое упоение. Наивысшею же формой должно признать ту, которая содержит в себе

не смутное и мгновенное, но наиболее ясное и наиболее постоянное, какое возможно для человека, созерцание истинно-сущего.

Примечания

Печатается по тексту: София. – 1914. – № 6. – С. 79–83.

1*. *Пушкин А.С.* «Не дай мне Бог сойти с ума...» (1833).

2*. *Пушкин А.С.* Поэт (1827).

3*. *Пушкин А.С.* Разговор книгопродавца с поэтом (1824).

4*. *Пушкин А.С.* Элегия «Безумных лет угасшее веселье...» (1830).

5*. *Пушкин А.С.* Моцарт и Сальери (1830).